

— Карамельные ягоды на палочке! Кисло-сладкие, вкусненькие!

— Горячие пирожки прямо из печи! Тонкое тесто, щедрая начинка! Уважаемый господин, не желаете ли попробовать?

— Заходите, заглядывайте! Лучшая губная помада и румяна! Дамы высокого звания в восторге!

— Не проходите мимо! Впервые в столице — труппа «Сиху» представляет цирковое представление: глотание клинков, фонтаны огня, жонглирование чашами, хождение по канату; обезьянки, акробатика с кувшинами, разбивание камней грудью — всего не перечесать! У кого есть деньги — поддержите деньгами, у кого нет — поддержите вниманием! Гарантируем незабываемое зрелище!

— Bravo! Ещё раз!

На западном базаре столицы шум стоял невообразимый: крики торговцев, громкие возгласы зрителей и звон барабанов сливались в единый гул. Среди толпы особенно выделялась фигура в праздничной алой куртке и изящной бархатной шапочке — это была Ли Чжао, впервые в жизни покинувшая императорский дворец и теперь с восторгом разглядывавшая всё вокруг.

— Ваше высочество... то есть, барышня! Хватит уже есть! — взмолился Фу Гуй, старший слуга, который хоть и был всего на несколько лет старше своей госпожи, но уже обладал всеми задатками будущего главного управляющего. Сейчас же он выглядел крайне обеспокоенным. — Вы же сами сказали перед покупкой этих пирожков: «Попробую лишь кусочек»!

Он с отчаянием наблюдал, как его господин одной рукой уплетает пирожок, другой — лепёшку с начинкой, а между делом ещё и горячее соевое молоко прихлёбывает, явно наслаждаясь каждой минутой. Фу Гуй чувствовал, как его сердце вместе с жалованьем болезненно сжимается.

— Госпожа Лань строго наказала вам не есть слишком много уличной еды — нечисто ведь! А если вдруг живот расстроится, моё жалованье за этот месяц снова уйдёт прахом!

Госпожа Лань, одна из императорских наложниц, управляла прислугой особым образом: вместо телесных наказаний она предпочитала вычитать из жалованья — иногда на месяц, а то и на полгода. Зато за хорошую службу щедро награждала — и премии эти были куда выше обычного оклада.

Ли Чжао проглотил кусок пирожка, запил соевым молоком и лишь после этого невозмутимо произнёс:

— Фу Гуй, успокойся. Разве я хоть раз не компенсировал тебе убытки после материнских взысканий? Не думай, что я не знаю — у тебя уже немаленький тайник скопился.

Он откусил ещё кусок лепёшки и, жуя, добавил с видом полной уверенности:

— Да и вообще, посмотри вокруг: половина улицы ест то же самое! Если другим ничего не сделало, почему именно мне должно повредить? Ты что, сглазить меня хочешь? Сегодня наш первый выход из дворца — главное, чтобы было весело! Не надо лишних тревог.

— Вот, попробуй, вкусно же! Совсем не то, что у придворных поваров — особый, по-настоящему уличный вкус! — И он сунул Фу Гую оставшиеся пирожки, завернутые в масляную бумагу.

— Но... — Фу Гуй всё ещё пытался возразить, держа сверток в руках.

— Хватит «но»! Улыбнись — богатство придёт со всех сторон! — Ли Чжао театрально махнул рукой по кругу.

— Ладно уж, — вздохнул Фу Гуй, смиряясь с неизбежным. — Вы для меня — живой бог богатства. — И он покорно откусил от уличного пирожка.

В этот самый момент Фу Гуй заметил краем глаза, как что-то стремительно летит из толпы сбоку. Его лицо исказилось от испуга:

— Барышня, берегитесь!

Тут же из тени выступили переодетые телохранители, мгновенно встав в боевую готовность.

— Что? — Ли Чжао только начал оборачиваться, как в следующее мгновение —

БАМ!

Тяжёлый предмет с силой ударил его прямо в грудь. Инстинктивно вытянув руки, Ли Чжао ловко поймал «небесный дар» и прижал к себе.

Опустив взгляд, он увидел изящный кошелёк из дорогой ткани с тонкой вышивкой. Он был на удивление тяжёлым — внутри явно лежало немало монет.

Потирая ушибленное место, Ли Чжао поднял кошелёк и, глядя на побледневшего Фу Гую, широко улыбнулся — с вызовом и азартом:

— Ну что, Фу Гуй? Я же говорил — богатство пришло!

— Ох, ваше высочество! Да забудьте вы про богатство! — Фу Гуй в панике бросился к нему, забыв обо всех правилах этикета, и осторожно стал ощупывать место удара. — Где именно попало? Больно? Я же говорил — нельзя так далеко отпускать охрану! В карете есть лекарства, давайте скорее вернёмся!

От волнения он даже забыл условное обращение «барышня» и снова перешёл на «высочество».

Один из переодетых стражников уже протиснулся сквозь толпу и встал рядом с Ли Чжао, внимательно оглядывая окрестности:

— Ваше высочество, проверьте, всё ли в порядке. Я выясню, откуда этот кошелёк.

Ли Чжао передал кошелёк стражнику и попробовал пошевелиться:

— Вроде нормально. Одежда плотная — три слоя подкладки. Только сначала немного оглушило, а сейчас почти ничего не чувствую.

Тем не менее, на всякий случай он решил всё же вернуться в карету.

«Ну и дела! — подумал он про себя. — Неужели у меня в груди магнит? Почему всё, что летит с неба, обязательно попадает именно в меня? Хорошо хоть в голову не угодило!»

Едва он, опершись на Фу Гуя, собрался уходить, как позади раздался голос — детский, но удивительно спокойный и вежливый:

— Простите великодушно за беспокойство, сударыня. Это мой кошелёк.

Ли Чжао обернулся. Перед ним стоял мальчик чуть повыше него ростом, одетый в простую белую куртку. Его лицо было светлым и мягким, черты — благородными, во всём облике чувствовалась книжная учёность и природная сдержанность. По возрасту они были почти ровесниками.

У Ли Чжао тут же мелькнула мысль: «Ага, выглядишь как образцовый юный джентльмен, а на деле — озорник! Кто же на людном базаре швыряется кошельками? Теперь, когда попал — пришёл извиняться? Раньше надо было думать! Пора тебе усвоить, чем грозит бросание вещей, особенно если они попадают в людей!»

И Ли Чжао тут же включил актёрский режим: одной рукой прижался к груди, другой — к Фу Гую, изображая крайнюю слабость, и простонал дрожащим голосом:

— Ох, Фу Гуй... Мне так больно... Кровь подступает к горлу, в груди давит... Неужели я сейчас кровью изо рта плюну?

При этом он незаметно подмигнул Фу Гую и стражнику, давая понять: играйте со мной!

Фу Гуй на миг растерялся, но, привыкнув к причудам своего господина, тут же вошёл в роль.

Его лицо исказилось от «страха» и «гнева», голос подскочил на октаву:

— Ох, не пугайте вы меня так! Что делать?! Это вы! — Он грозно уставился на белокуртого мальчика. — Посмотрите, до чего вы довели нашу барышню! Как можно в светлое время дня бросать вещи в людей?!

Ли Чжао краем глаза наблюдал за реакцией мальчика. Тот явно не ожидал такой бури: глаза у него распахнулись, на лице мелькнуло замешательство. Но почти сразу он взял себя в руки, снова склонил голову в почтительном поклоне и чётко, без запинки произнёс:

— Вина полностью на мне. Недалеко отсюда есть лечебница — я провожу вас к лекарю и возьму все расходы на себя. Кроме того... — он взглянул на кошелёк в руках Ли Чжао, — серебро из кошелька пусть послужит вам утешением. Только... — он замялся, смущённо посмотрел на «больную» девушку, и на его щеках проступил лёгкий румянец, — только прошу вернуть мне сам кошелёк.

Эта реакция поразила Ли Чжао. Мальчишка, едва достигший возраста разума, уже умеет сохранять хладнокровие, честно признавать ошибки и брать ответственность. Всё желание «проучить озорника» мгновенно испарилось, уступив место неловкому чувству вины: «Неужели я действительно обижаю честного ребёнка?»

Он мысленно махнул рукой: «Ладно, хватит. Я же взрослый человек (по собственному мнению)! Зачем мстить настоящему ребёнку? Пусть урок усвоит — и достаточно».

Он уже собрался сказать, что всё в порядке, как вдруг раздался новый голос — запыхавшийся, торопливый:

— Господин! С вами всё в порядке? Вора уже передали властям. Кошелёк нашёлся?

— Да, всё хорошо. Кошелёк на месте, — спокойно ответил мальчик.

«Вор? Передали властям?..»

Дальнейшие слова слуги Ли Чжао уже не слышал. На этот раз кровь действительно прилила к лицу — от стыда. Он внезапно понял: кошелёк не бросил мальчик из озорства, а вор, убегая, швырнул его в толпу! А значит, весь его театральный спектакль выглядел в глазах окружающих как гнусная попытка вымогательства у честного ребёнка!

«О нет... — внутренне застонал он. — Я реально стал тем самым капризным, нахальным „девчонкой“, которая пользуется ситуацией! Я опозорил всех нас, перерожденцев! Что делать?! Как выйти из этого позора?! Помогите, срочно!»

— Сударыня, — осторожно спросил белокуртый мальчик, заметив, как лицо Ли Чжао

мгновенно покраснело, а тело окаменело, — неужели вам стало дурно от испуга? Может, у вас жар?

Ли Чжао: «!!!»

Нет. Это — температура социального коллапса.

Он резко выпрямился, оттолкнул Фу Гуя, энергично махнул руками, пару раз притопнул ногами — словно тот, кто только что стонал от боли, никогда и не существовал.

Затем он громко кашлянул и, выдавая максимально возможную улыбку, выпалил на одном дыхании:

— Э-э... знаете, вдруг почувствовал себя прекрасно! Прямо бодрость в теле! Всё прошло! В лечебницу не надо, денег за испуг не возьму! Вот ваш кошелёк — держите!

И, не давая мальчику опомниться, он сунул ему обратно этот «раскалённый уголь» и, схватив ошарашенного Фу Гуя за руку, рванул прочь с места преступления — точнее, места собственного позора.

Но едва он сделал шаг, как почувствовал лёгкое, но твёрдое сопротивление на запястье.

Ли Чжао инстинктивно опустил взгляд. Его запястье держала рука — не по-детски пухлая, а тонкая, белая, с уже намечающимися сильными суставами. В самый неподходящий момент Ли Чжао даже успел подумать: «Когда этот мальчик вырастет, его руки станут мечтой всех, кто обожает красивые кисти...»

<http://bllate.org/book/17167/1607062>